

Вера Ильина

Я НЕ СЛЫШУ ТИШИНУ

Ростов-на-Дону
«Феникс»
2024

УДК 821.161.1-3-93
ББК 84(2=411.2)6-4
КТК 710
И46

Ильина, Вера.

И46 Я не слышу тишину / Вера Ильина. — Ростов н/Д : Феникс, 2024. — 134, [2] с. : ил.

ISBN 978-5-222-41399-9

Жизнь Ани меняется, когда её мама выходит замуж и у Ани появляется сводная сестра-ровесница Нина, которая не может говорить.

Поначалу Аня не придаёт значения внезапно появившейся молчаливой сестре, но Нину переводят в Анин класс, и она становится молчаливым свидетелем всех Аниных проступков, о которых раньше никто не знал. Несмотря на то, что Нина не может говорить, Аню начинает мучать совесть из-за того, что сводная сестра знает о ней слишком много плохого. Она пытается не обращать внимания на молчаливый взгляд Нины, но всё равно не может не думать о ней.

Аня спасается постоянно играющей в наушниках музыкой, но, когда наступает тишина, снова думает о Нине и о том, что она знает все её секреты. В итоге Ане приходится смириться с тишиной и признаться себе в собственной подлости.

УДК 821.161.1-3-93
ББК 84(2=411.2)6-4

ISBN 978-5-222-41399-9

© Ильина В., текст, 2024
© ООО «Феникс», 2024
© shutterstock.com, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Щёлк	6
Не работает	13
Рыба	20
Чайник	32
Представление	36
Право голоса	42
Ни слова о Рыбе.....	49
Тушь	54
Рыбный день.....	64
Тишина в словах	72
Рыба, не молчи!.....	82
Громкое молчание	94
[Пустой заголовок].....	109
В поисках тишины.....	116
Пик	123

Щёлк

На кухне завизжал чайник. Мокрые тарелки громко стучали друг о друга, выскальзывая из маминых рук. Телевизор играл всю, но на него никто не обращал внимания. У меня — наушники, у мамы — песенки под нос.

Я сняла чайник с плиты и налила кипяток в кружку.

Обожглась.

Сердце подпрыгнуло, глазам нечего было передать мозгу, и тот заставил всё тело стоять секунд пять в оцепенении — мол, разберись с обстановкой, человек. Что-то не так.

— Опять выбило! — близко вздохнула мама. Её было слышно даже сквозь биты попсовых песен.

Она прошла к входной двери, вышла в подъезд.

— Опять? — спросила я то ли темноту, то ли себя. Сняла наушники.

Мама долго включала и выключала рубильник на лестничной площадке. Щёлкала вверх-вниз. Сначала обычно, буднично, как и раньше. Потом с претензией — резко и громко. Потом с непониманием — медленно, робко. И наконец

совсем без надежды — так, на всякий случай. Обычный «щёлк-щёлк».

Нет, света нет.

Кругом тьма, даже в соседних домах свет не горит. Я сняла наушники: в темноте музыку слушать не особо весело.

— Авария где-нибудь. Через час дадут, — слышалось эхо голоса соседки в подъезде.

— А я думала, у нас опять пробки выбило, — отвечало мамино эхо. — У нас каждую неделю выбивает.

— Так не включайте всё сразу, и выбивать не будет, — по-доброму посоветовала соседка.

Мама зашла в квартиру, закрыла дверь под освещением фонарика на моём телефоне.

— «Не включайте!» — передразнила она соседку. — А как не включать? Это ведь жизнь. Жизнь должна кипеть, кричать, светиться. А не вот так. Правильно, Анка? Ну и пусть мы платим вдвое больше за электричество. Зато живём как надо!

Наверное, мама хотела, чтобы соседка услышала эти слова, но её дверь захлопнулась раньше нашей. Я слышала.

Как так получилось, что темнота неразлучно связана с тишиной?

В общем-то, с мамой я была согласна: жизнь — в движении, в звуках, в свете и в тепле. Но стоило только свету покинуть нашу квартиру, как наша жизнь остановилась. Остановилась до победного пиканья микроволновки, вещающего о том, что провода снова полны электричества.

Микроволновка запищит, кухню зальёт искусственно-белый свет, зажужжит ноутбук, и проснётся диктор в телевизоре. Я надену наушники, мама домоет посуду. Всё станет как прежде. А пока что мы сидим с мамой за кухонным столом перед широкой, горячей мелким светом свечой.

— Мы так гадали с девочками, когда я молодой была, — вспомнила мама, глядя на свечу.

Наши с мамой тени двигаются по стене. Так дико, первобытно — огонь и тени. Скорее бы уже пропищала эта микроволновка.

— А сейчас ты старая, что ли? — попыталась я сделать комплимент.

— Суженый-ряженный... Это перед Рождеством обычно. А до Рождества ещё два месяца. Суженый... — Мама задумчиво смотрела на пламя.

Мы могли бы разбежаться по своим комнатам, сидеть там до того момента, когда дадут электричество. На телефоне ещё шестьдесят процентов заряда — можно слушать музыку.

Но в темноте страшно одной. А если вокруг тишина, страшнее вдвойне.

Вот и мама замолчала. Лучше бы продолжала рассказывать про гадания или про работу. Да хоть про своего ухажёра Иваныча. Только бы не молчала.

— Анка... — Мама перевела взгляд с пламени на мои плечи, будто бы ей было стыдно смотреть мне в глаза.

— М? — выдавила я.

— Раз уж такое дело, раз уж свет отключили и мы тут сидим, говорим. А чего ещё делать-то? — Мама ухмыльнулась. — Даже не знаю, как тебе сказать... Хотя давно надо было. Ты только не злись. Да ты и не злишься никогда.

— Ближе к делу. — Мама уже разбудила бурю внутри меня. О чём это она хочет сказать?

— Мы с Иванычем...

— Ну?!

— Поженимся.

— И всё? — Меня не отпускало чувство недосказанности.

— И он будет жить у нас.

Ладно, к этому я была готова ещё полгода назад, когда этот самый Иваныч объявился. Немолодой, но весёлый. Щедрый, незанудливый.

Такой же, как яркая лампочка, как включённый телевизор, как музыка из наушников — понятный, простой, ясный. Да разве маме мог понравиться другой? Какой-нибудь в очках, с книжкой в руках, с заправленной в спортивные штаны рубашкой? Не мог.

Тишина глушила, давила на перепонки не хуже выкрученной на максимум громкости в наушниках. Как тяжело быть в тишине, как скучно. Я открыла пачку печенья и принялась хрустеть. Так лучше.

— И ещё, Анка. Самое главное. Ты большая уже, тебе четырнадцать, всё понимаешь.

Что ещё? Младенец? Да я не против. Младенец — самый яркий пример жизни. Кричит не переставая. А у меня наушники, я в домике. У меня вообще самостоятельная жизнь, что мне их младенец?

— Третья комната. Ты хотела там барабаны установить, гитару.

— Мини-студию я хотела, — собрала в кучу я мамины мысли.

— Придётся немного подкорректировать планы. — Мама никак не могла сказать напрямую.

— Мам, да я понимаю. — Я продолжала хрустеть печеньем. — У Вики тоже недавно братик родился. Я не против. Но пока что ему ведь

не нужна та комната? Хотя бы первый год может с вами в одной спальне пожить. Он же маленький ещё. Да и не родился даже. Сколько ждать осталось? Месяцев семь?

Мама распахнутыми глазами смотрела на меня с приоткрытым ртом. Свет свечи хоть и не был ярким, но полыхание маминых щёк можно было разглядеть, кажется, даже в полной темноте.

— Какой братик? Да нет, чего ты. Придумаешь тоже! Братик! — Мама посмеялась. — Не братик, а сестра.

— Ты уже и пол знаешь?

— И пол знаю, и имя, и возраст. Девочка Нина, четырнадцать лет. Твоя ровесница. Она будет жить в третьей комнате, это дочь Иваныча, — мама резко остановилась, — и вообще, называй его теперь Митей. Папой — не обязательно.

Пик.

Колючий свет впился в глаза. Мама одним выдохом потушила свечку и тут же принялась мыть посуду, не забывая что-то мелодично подвывать.

Чёрная тишина обрушилась в меня. Она будто проникла за секунду до провозглашения света. Застряла и теперь сидела внутри. Ей всё равно,

что снаружи — свет. Когда ей надо, она заглушит свет и заставит прислушаться к ней.

Какая-то Нина. Зачем она нужна? Я была согласна только на Иваныча, и то в качестве только Иваныча, а не Мити.

Я надевала наушники, включала музыку, пыталась отвлечься. Но внутри меня, кажется, тоже выбило пробки.

Щёлк-щёлк. Не думай ни о какой Нине.

Щёлк-щёлк. Слушай музыку.

Щёлк! Подумаешь, третья комната уже не твоя.

Щёлк. Уже без какой-либо надежды. Так, на всякий случай.

Щёлк.